

3. Шюре Э. Великие посвященные / пер. с фр. Е.П. Писаревой Л.: СП «Книга-Принтшоп», 1990. Репринт. изд. 1914 года. 420 с.
4. Russell B. History of Western Philosophy. L.: George Allen & Unwin Ltd., 1961. 778 p.
5. Жильсон Э. Бытие и сущность / Избранное: христианская философия. М.: РОССПЭН, 2004. 704 с.
6. Асмус В.Ф. Платон: эйдология, эстетика, учение об искусстве / Историко-философские этюды. М.: Мысль, 1984. 318 с.
7. Йегер В. Пайдейя. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 336 с.
8. Диллон Дж. Наследники Платона . СПб.: СПбГУ, 2005. 280 с.
9. Gerson L.P. Knowing Persons. – Oxford, University Press, 2003. 320 p.
10. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.

A. Ivanenko.

Ex-static interpretation of being?

The article is devoted to concept of being at the context of ontology revision from the position of "ex-static interpretation of being" (from Leibniz's Monadology to modern existentialism). Author investigates the beginnings of ontology & finds there a model of static being by Parmenides & Plato, which hasn't such attributes as time & motion.

Keywords: attributes of a matter, existence, time, movement, metaphysics, ontology, Platonism, reality, existentialism.

Получено 17.03.2010

УДК 130.2

С. И. Иванова, аспирант, (4722) 30-10-36,
Ivanova_S@bsu.edu.ru (Россия, Белгород, БелГУ)

ИДЕНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ «РОКОВОГО ВОПРОСА» В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н.Н. СТРАХОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТИКИ 1860-х)

Рассматривается влияние «польского вопроса» на формирование идеи национальной идентичности в русской культуре XIX века через творческое наследие философа-почвенника Н.Н. Страхова. Русский философ доказал историческую ценность и общечеловеческую миссию русской культуры и обозначил главный для нее вопрос - вопрос о собственной идентичности.

Ключевые слова: борьба цивилизаций, культурная миссия, русская народность, национальная идентичность.

Территориальная близость, славянское родство, но огромная разница в культурных традициях православной России и католической Польши предопределили тесную связь и непреодолимые противоречия

между ними. Польша выступала как славянский вариант европейской культуры и цивилизации, мост между Востоком и Западом, привлекая к себе пристальное внимание русских политиков и мыслителей. Между тем сам образ Польши оценивался русским общественным мнением неоднозначно. Так в период после трех разделов Польши и вхождения в состав Российской Империи она рассматривалась как неотъемлемая часть славянского мира, пусть «неверная» и католическая. Это стало причиной сочувственного отношения России к Польше. Только та часть Польского государства, которая отошла к Российскому государству, сохранила свое имя и некоторую автономию в виде Царства Польского в составе Российской империи, а в 1815 году поляки получили от Александра I Конституцию, которой не имела сама Россия. Этот факт вызывал самые противоречивые чувства в среде русской интеллигенции.

После польских восстаний 1830-1831 гг. и особенно 1863-1864 гг. восприятие Польши русской общественностью заметно усложнилось. Жестокость польских мятежников не только по отношению к солдатам и офицерам русской армии, но и к русскому населению, проживающему в охваченных восстанием областях, а также необоснованные притязания поляков на восстановление «Великой Польши от моря до моря» изменили суждения о Польше, повлекли за собой решительные военные действия со стороны русского правительства и осуждение со стороны общественного мнения. Революционные события в Польше вызвали необыкновенный патриотический подъем во всех слоях русского общества. Как вспоминал Н. Страхов, патриотизм в обществе «заговорил очень горячо». Этому особенно способствовали газета «День», «чрезвычайно полезная своими толкованиями» событий и «Московские ведомости», поддерживающие «своими энергичными статьями» все решения правительства. Только «Колокол» Герцена, издававшийся в Лондоне, бросил клич в поддержку польских повстанцев: «За вашу и нашу свободу!» и поэтому «навсегда упал в мнению читателей». Демократически настроенный «Современник» молчал, не решаясь открыто поддержать этот лозунг [1, с. 246].

Именно в это время и появляется статья «Роюво й во грѣ» Н. Н. Страхова, так негативно воспринятая русским общественным мнением, вызвавшая возмущение не только в правительственных кругах, но и в среде патриотических настроенных либеральных публицистов. Статья была опубликована в журнале «Время» (1863, №4), ведущими авторами и редакторами которой были братья Достоевские. Журнал считался умеренным, по своему настроению почти славянофильским, открыто стоящим на «почвеннических» позициях или, по словам Страхова, созданный с целью «популяризировать славянофильские идеи на петербургской почве» [2, с. 26]. Надо сказать, что поначалу братья Достоевские положительно отреагировали на статью. В «Воспоминаниях о Ф. М. Достоевском» Н. Н. Страхов отмечал, что редакторы сначала были

очень довольны статьей и «хвалились ею», так как « в сущности она была продолжением того дела, кото ры мы вообще занимались, то есть возведением вопросов в общую и отвлеченную форму. Но жизнь со своими конкретными чувствами и фактами шла так горячо, что на этот раз не потерпела отвлеченности» [1, с. 24] Стр хов не р а упоминал об «отвлеченном» характере статьи, благодаря чему она, по его словам, была «превратно понята». Но в этом и состоит главная заслуга философа, его специфическая способность размышлять объективно: он впервые подошел к рассмотрению польского вопроса с абстрактно-отвлеченной, философской точки зрения, не вполне понимая, какой резонанс получают его размышления в том конкретном историческом контексте.

Вышедшая статья почти сразу вызвала взр ьв негодования со всех сторон. Первым гневным откликом стала статья К. А. Петерсона - в газете «Московские ведомости» (1863 , №109), котор ая сыгр ала роль доноса и привела к закрытию «Времени». С критическими замечаниями выступил И. С. Аксаков в газете «День» (1 июня 1863 г., №22). Во всех публикациях выражалось мнение о том, что статья *Русского* (такой псевдоним взял Страхов для статьи «Роковой вопрос») основана на ложных показаниях, а следовательно, и выводы получились ложные. Страхова обвиняли не только в недостаточном патриотизме, но даже в «полонофильстве». Петерсон в своей публикации пошел дальше, назвав Н. Н. Страхова «бандитом с маской на лице» (то есть террористом) [1, с. 250]. Последствия были крайне неприятными: журнал «Время» закрыли, а автора статьи осыпали упреками. Н. Н. Страхов крайне тяжело переживал несправедливые обвинения: «Мне горько подумать о том огорчении, которое я невольно при инил многим патриотическим людям. Но еще великим наказанием мне было то, что меня при нимали часто за полонофила и по этой причине обращались со мной с особым уважением. Это было мне больнее всех тех презрительных взглядов и холодностей...» [1, с. 247]. «Статья о таком важном предмете, если бы она была написана в смысле, противном русскому чувству, никак и никогда не могла бы явиться в этом журнале», - писал он в письме к редактору «Дня» [3, с. 56]. Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, Н. Н. Страхов отправляет письма М. Н. Каткову, редактору изданий «Московские ведомости» и «Русский вестник», и И. С. Аксакову, редактору газеты «День», в которых он давал разъяснения по своей статье, утверждая, что «польский вопрос, больше чем всякий другой, требует участия и всех наших внутренних сил, напоминает нам наше различие от Европы, требует уяснения и развития наших самобытных начал» [3, с. 53]. Под этими словами философ подразумевал необходимость глубокого философско-аналитического исследования польской проблемы, а не простой публицистичности и злободневности патриотических высказываний. Письма Н. Н. Страхова так и не были опубликованы на страницах периодической печати, их не

пропустила цензура, они увидели свет только в 1890 г. в предисловии к его труду «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки» [4].

Уже в начале статьи автор обращает внимание на то, что «мы привыкли смотреть на многие вещи поверхностно, с более общих точек зрения» и, поэтому, суть дела, истина нередко ускользает от нашего внимания. То же произошло и с «польским вопросом», за ним мы видим лишь политический конфликт, противостояние двух государств, но проблему надо рассматривать гораздо глубже, не в политическом, а в цивилизационном ключе. Чтобы разобраться в «польском вопросе» следует взять воедино две проблемы: взгляд поляков на нас и наш на поляков. Оба вопроса аккумулированы в так называемую проблему «самоидентичности», национального самосознания.

Поляки сознательно выделяют себя из славянской семьи и главная причина этому - их принадлежность к европейской культуре. Автор подтверждает, что эти притязания вполне обоснованы, вся их история доказывает право польского народа «считать себя в цивилизации наравне со всеми другими европейскими народами». Вместе с другими европейскими народами Польша приняла католичество, «в науках, в искусствах, в литературе, вообще во всех проявлениях цивилизации, она постоянно брталась и соперничала с другими членами европейской семьи никогда не была в ней членом отсталым или чужим» [5, с. 37]. Это вдохновляло поляков на борьбу с Россией, в этом они черпали духовные силы, в сознании действительной причастности к европейской цивилизации. Философ приходит к выводу, что противостояние Польши и России есть ничто иное как столкновение двух культур, борьба двух цивилизаций, Запада и Востока, «народа цивилизованного» и «варваров» [5, с. 37]. Спустя шесть лет в журнале «Заря» от 1869 г. будет опубликован труд Данилевского «Россия и Европа», в котором и концептуально рассмотрен вопрос о конфликте европейской и русской цивилизаций. По мнению многих современных исследователей творчества Н. П. Стрхова, он пришел к идее «борьбы цивилизаций» независимо от Данилевского и раньше него. Но там где Стрхов сформулировал только общие идеи, Данилевский сумел оформить эти идеи в разработанную, обоснованную концепцию, что, однако, не умаляет роли П. Н. Стрхова в истории русской философской мысли [6; 7, с. 131].

Не менее важным в рассматриваемой проблеме является вопрос об отношении русских к полякам с точки зрения поиска специфики собственного национального самосознания, идентичности. «Нельзя найти «идентичность» своей собственной культуры (сколь бы разнообразной она не была), пока глубоко и досконально не познакомишься с другой культурой, вплоть до того, что реакция на это знакомство обновит все твое

существо» [8, с.43], - отмечает известная исследовательница А. Вежицкая. Это высказывание как нельзя лучше иллюстрирует понимание того, чем являлся образ поляка в русской национальной культуре. В своей статье Н. Н. Страхов сознательно подчеркивает блеск и достоинства польской культуры, подробно описывает ее достижения, ссылаясь на Киреевского: «Польская аристократия в XV и XVI веке была не только самой образованной, но и самой блестящей, самой ученой в Европе. Основательное знание иностранных языков, глубокое изучение древних классиков, необыкновенное развитие умственных и общежительных дарований удивляли путешественников и составляли всегдашний предмет реляций наблюдательных папских нунциев того времени» [5, с. 38]. При этом автор не забывает много вковую связь Польши с католическим Западом, влияние которого стало определяющим и культурно плодотворным для нее. То есть мыслитель, как бы дистанцируется от своего этноса, смотрит на Польшу сопереживательно, чтобы вторично пересмотреть свой взгляд на Россию и русский народ: « Не будем обманывать себя; постараемся понять, каким взглядом должны смотреть на нас поляки и даже вообще европейцы» [5, с. 38]. В этом заслуга философа: противопоставляя себя западной, хотя и славянской цивилизации, другим духовным ценностям мы обретаем, другое понимание своей русской самобытности, национальной идентичности. В конечном итоге философ сделал первый шаг на пути разрушения извечной оппозиции России и Европы, развивая мысль о многообразии и автономности славянского мира. При этом не следует преувеличивать его отстраненность от стереотипов эпохи.

В чем же русские увидели «точку опоры» в своей борьбе с поляками? Мыслитель дает однозначный ответ: «наши мысли обращаются к единому видимому и ясному проявлению народного духа, к нашему государству. У нас есть одно, но великое благо, которым мы обладаем: мы создали, защитили и укрепили нашу государственную целость, мы образуем огромное и крепкое государство...»[5, с. 39]. Крепкая государственная организация важна, так как дает нам возможность самостоятельной жизни. Но не стоит преувеличивать роль государства, дополняет автор, так как оно «есть возможность самостоятельной жизни, но еще далеко не самая жизнь». Государство является полным, завершенным только при наличии в нем духовного составляющего, «народного духа», почвы. Эти смыслообразы Страхов как представитель почвенников активно использует для рассмотрения самобытности начал русской жизни, понимая под ними «коренные и своеобразные» силы народа, источник его жизненных сил и органических проявлений [7, с. 133]. Здесь можно проследить главные различия во взглядах почвенников и славянофилов. Если славянофилы видели духовную основу

русской цивилизации в православии и связывали возрождение русского общества с возвратом к истинному христианству, то почвенники сместили акценты с православия на русскую народность и почву, которая составляет основу жизни народа. Почвенники полагали, что народная жизнь заслуживает бережного к себе отношения не потому, что она является носителем христианских ценностей, а просто потому, что ценна сама по себе, а почва - выступает как основа народности, определяя ее самоидентичность и самобытность развития. Духовная основа, «глубокий и плодотворный дух» несомненно присутствует в нашей русской цивилизации, однако, по мнению Страхова, недостаточно ясно и отчетливо. Но и находясь «в зародыше», «в зачатке», этот дух уже "ревниво охраняет свою самостоятельность и не дает над собой власти никакому чуждому духу, который настолько крепок, что способен отталкивать всякое влияние, мешающее его самобытному развитию» [5, с. 45]. В качестве примера автор ссылается на попытки колонизации русских областей в Малороссии и в Москве, которые встретили «непреклонный, неодолимый отпор», нравственную стойкость и «глубокое упорство» со стороны русской культуры.

Уверенность в силе и крепости нашего государства и неуверенность в духовной независимости и самостоятельности русской народности составляют главное противоречие русской культуры: «несоразмерность нашей государственной силы с нашим нравственным значением» [5, с. 40]. Поэтому ведущую роль в разрешении «польского вопроса» будет играть, по мнению Страхова, не военно-политическая победа русского государства, а нравственная победа русской цивилизации. Не стоит надеяться только на «обширность и крепость государства», убеждает русский мыслитель, надо обратить внимание на «русские народные начала, на те глубокие духовные силы русского народа, от которых, без сомнения, зависит его государственная сила» [9, с. 50]. Проповедуя идеи почвенничества, Страхов призывает самостоятельно избавиться от всего внешнего, общеевропейского, «наносного и прививного» в русской культуре, не имеющего духовных оснований и вернуться «волей-неволей» к «почве». И тогда мы смогли бы достойно ответить на вызов поляков, показать, что с ними «борется и соперничает не азиатское варварство, а другая цивилизация, более крепкая и твердая, наша русская цивилизация» [5, с. 44].

В своей статье Н. И. Страхов анализирует польскую культуру в целом. Не отрицая ее развитости и достижений, автор указывает на глубинные противоречия в самой основе польской цивилизации. Страхов называет ее «заемной» и «внешней», так как в Польше «оцивилизован» был только высший класс, именно он творил польскую культуру, а простой народ, неграмотный, забитый, «быдло», оказался во вне этой культуры,

был оторван от нее. Поэтому в Польше не сложилось единства культуры с элементами народной жизни и, следовательно, она не могла иметь той силы, которую должна иметь всякая крепкая и «правильная» цивилизация. Европейская цивилизация, утверждает автор, благоприятна только для европейских народов, так как она накладывается на плодотворную европейскую «почву», а в Польше, «именно потому, что поляки - славяне», эта цивилизация не нашла опоры для самобытного развития и была обречена, с самого начала, «нести смерть в своем корне» [1, с. 257]. Поэтому автор справедливо подверг критике убеждения поляков в превосходстве своей культуры над русской: польская культура «поражена внутренним бессилием», а все их достижения, образованность, лоск являются внешним отражением европейской цивилизации, и, следовательно, она не способна на дальнейшее самостоятельное развитие [3, с. 57]. Глубокая вера Польши в принадлежность к высокой европейской культуре и в идею абсолютного превосходства европейской культуры определила ее притязания нести цивилизацию другими народам, исполнять «миссию цивилизованного народа среди варваров» [5, с. 41]. Как представители высокой культуры, сообщает Страхов, они постоянно были заняты распространением этой культуры и стремились колонизировать прилегающие страны. Полонизация охватывала не только Малороссию и другие приграничные к Польше территории, но и «сама Москва подвергалась попыткам ополячения и латинизирования». Здесь можно говорить о том, что полонизация, по сути дела, была равносильна европеизации, а Польша, достойная представительница Великой Европы, выступала плацдармом вселенской миссии Запада. Но непрерывное распространение на варварские племена благ европейской цивилизации обернулись для Польши духовным поражением, подменой идеи культуры идеей культурной миссии. Автор неоднократно подчеркивает, что, сосредоточившись на своей якобы культурной миссии, поляки остановились в своем собственном развитии: «я ясно вижу роковое значение польской культуры, то безвыходное и гибельное положение, в которое она стала со своими притязаниями» [3, с. 58].

А что русская культура? «Что такое мы, русские?». Россия, по убеждению Страхова, имеет, «полную возможность для самобытного развития». Несмотря на то, что наша культура несколько отстает в своем развитии, но она «носит в себе залогов такой крепости, такого глубокого и далекого развития, каких, может быть, не имеет никакая другая культура» [3, с. 54]. Главная причина нашей внутренней силы: в «земском», народном характере русской цивилизации. Русская самобытная культура имеет глубокие корни, которые живы в русском народе. Веками она развивалась в тесной связи с русской землей и должна сохранить эту связь. Поэтому автор предостерегает нас от пагубного влияния западного просвещения, которое отрывает нас от нашей почвы и ведет к духовной гибели, как это

было с Польшей. Следует отказаться от привычки мерить себя «общевропейской меркой», у русской земли есть своя судьба, свое важное назначение. Мы должны понять, должны поверить, убеждает философ, что «мы сами по себе, что мы не европейцы, а просто русские» [9, с. 52].

Страхов верил в великое будущее русской цивилизации, что именно русская земля, сохранив самобытность, народные начала и, впитав в себя лучшие достижения европейского просвещения, «будет новым словом общечеловеческой цивилизации и выразит собою цивилизацию всего славянского мира» [1, с. 251]. Эту позицию наиболее полно сформулировал Ф. М. Достоевский в одном из номеров журнала «Время»: «Мы знаем теперь ь что не можем быть еврейцами... мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность в высшей степени самобытная и что наша задача — создать себе новую форму — нашу собственную, родную из почвы нашей взятую; мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, что характер нашей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея может быть синтезом всех тех идей, которые с таким мужеством развивает Европа... что все существенное в этих идеях найдет свое применение и дальнейшее развитие в русской народности» [10, с. 88]. Синтез славянофильства и западничества, веры в историческую ценность и общечеловеческую миссию русской народности был характерен и для Н. Стрехова как представителя почвенничества.

Но, где наши самобытные начала, «русские духовные силы! Где они?», - спрашивает философ. Никто кроме нас их не видит и не узнает о них до тех пор, пока "ни не проявятся с осязаемой очевидностью, с непререкаемой властью". Но развитие и раскрытие их не будет быстрым и простым, предостерегает автор, «оно требует вековой борьбы, труда и времени, тяжелых усилий, слез и крови». Недостаточно только верить в славное будущее и тешить себя надеждами, пишет мыслитель, мы должны показать всему миру «нашу народную гордость и силу». Европа не знает нас, потому что мы еще не доказали ей "те глубокие духовные силы, которые хранят нас, дают нам крепость..." [3, с.54]. Но, убежден русский мыслитель, рано или поздно, это обязательно произойдет.

Таким образом, Н. Н. Стрехов первым из русских мыслителей сформулировал главный, «роковой» вопрос русской культуры, вопрос о собственной идентичности, национальный вопрос в России. Он доказал, что мы - не европейцы, что Россия обладает собственной отдельной самостоятельной культурой, высокоразвитой цивилизацией, которая не подходит под общевропейские мерки и не должна ими измеряться. А глубокая вера в русский народ, в историческую ценность и общечеловеческую миссию русской народности, поможет нам не только бороться с поляками, но и одержать более крупную, духовную победу - победу над «рабством перед Западом». Что же показала нам Польша: свою

беду, но главное, свою беспочвенность — вот что хотел подчеркнуть Страхов. Стремясь стать частью европейской цивилизации, Польша погубила себя, растеряв свои самобытные корневые начала. А какая судьба ждет Россию?

Список литературы

1. Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. 375 с.

2. Щербакова М. И. И. С. Аксаков — Н.Н. Страхов. Переписка. М.: Группа славянских исследований при Оттавском университете и Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2007. 190 с.

3. Страхов Н. Н. Россия и славянство. Письмо к редактору «Дня» 22 июня 1863г. // Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 53-61.

4. Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. 2. 2-е изд. СПб., 1890. С. 129-146.

5. Страхов Н. Н. Россия и славянство. Роковой вопрос. // Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 37-50.

6. Ильин Н. П. «Русские духовные силы! Где они?» Роковой вопрос Николая Стрехова // Воспоминание о будущем: русская национальная революция. [Электронный ресурс] : URL: <http://www.hrono.ru/proekty/metafizik/fk113.html> (дата обращения 13.01.2010).

7. Антонов Е. А. Антропоцентрическая философия Н. Н. Стрехова как мыслителя переходной эпохи. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 168 с.

8. Вежицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 290 с.

9. Страхов Н. Н. Россия и славянство. Письмо в редакцию «Московских ведомостей» 26 мая 1863 г. // Борьба с Западом. М., 2010. С. 50-53.

10. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 2005. 368 с.

S. I. Ivanova.

Identity through a prism of "a fatal question" in N.N.Strahova's philosophical concept (on materials of publicism 1860).

Influence of the Polish question on formation of idea of national identity in Russian culture of a XIX-th century; through a creative heritage of philosopher-pochvennika N. N. Strahova is considered. Russian philosopher has proved a historical value and universal mission of Russian culture and has designated the main question for it - a question on own identity.

Keywords: struggle of civilisations, cultural mission, Russian nationality, national identity.

Получено 17.03.2010